
Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО ЭТНОГРАФИИ АМЭЙ («ГАОШАНЬ»)

Проблема южных элементов в этногенезе народов Восточной Азии в самое последнее время вновь привлекает внимание как советских ученых, так и ученых — представителей самих народов стран Восточной Азии и в первую очередь Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики. Большой интерес представляет в этой связи сообщение профессора То Ю Хо (КНДР) о наличии в северо-восточных районах Кореи этнической группы «тон ок ю» (тон ок ю; в китайском чтении — «дун воцзюй» 東沃沮), быть может — одного из крайних побегов южной миграционной ветви¹.

Особый интерес приобретает вместе с тем и изучение национальных меньшинств приморской и островной полосы Китайской Народной Республики. Исключительно важными представляются нам поэтому работы ряда китайских ученых — специалистов различных дисциплин — по изучению так называемых «гаошань» (дословно — «жители высоких гор») — национальных меньшинств Тайваня. В принятой и действующей сейчас лингвистической классификации «горцы» Тайваня относятся к малайской (индонезийской) ветви малае-полинезийской языковой семьи. Однако за последнее время среди китайских лингвистов все увереннее звучит сомнение в лингвистической однородности «гаошань». Ученые КНР, проводящие поистине огромную работу по изучению языков национальных меньшинств (профессора Ма Сюе-лян и Ло Чан-пэй, доцент Лю Юань-чуань и др.), выделяют две или даже три языковые локальные группы в составе семи основных племен «гаошань»: амэй (ами), емэй (ями, или еми), бунун, атайял (тайял), цоу (чжу оу), пайван, сейсето (восьмая группа, смешанного китайско-«гаошаньского» происхождения, — «пинпу»).

Данные лингвистики чрезвычайно важно было бы сопоставить с результатами антропологического и этнографического изучения «гаошань». Однако, если лингвисты могут ставить фонетические опытные записи не выходя из лаборатории, то этнографическое изучение, как и всегда, требует полевых экспедиционных наблюдений.

Как известно, полевая экспедиционная работа на Тайване более 50 лет тормозилась японской оккупацией. Новая американско-чанкайшистская оккупация в еще большей мере препятствует проведению объективных научных исследований. Нельзя сказать, что этнографические изыскания на острове Тайвань не ведутся. Только за 1956—1957 гг. в печати появилось несколько описаний (книг и статей) быта китайского населения острова. Однако все они подчинены цели доказать недоказуемое: «благоприятное» влияние американской цивилизации, «процветание» китайцев Тайваня при чанкайшистско-гоминьдановском режиме. Ряд заметок появился и о национальных меньшинствах, но эти заметки посвящены главным образом психолого-теософским изысканиям², а не комплексному всестороннему изучению (хотя бы по сокращенной программе), которое необходимо для сравнительного сопоставления быта и культуры отдельных племен «гаошань», а также этих племен с другими народами. Этнографы КНР профессора Линь Яо-хуа и Ян Чэн-цзи уже давно указывали на четыре возможных исходных района миграции «гаошань» к Тайваню. Отмечались и отдельные факты различий в материальной культуре, обрядности, хозяйстве отдельных племен «гаошань». Однако, повторяем, решающее значение может иметь лишь сопоставление более или менее полных характеристик этих племен и сравнение их с другими народами.

Может быть, достижению этой цели хоть в какой-то мере послужит предлагаемая вниманию читателей запись опроса двух представителей племени амэй во время нашего пребывания в Пекине в конце 1957 г. (запись выполнена в присутствии сотрудницы Академии наук КНР т. Ван Юэ-лань и представителя Комитета по делам национальных меньшинств КНР т. Чжан Най-хуа).

Мои информаторы внешне не похожи друг на друга. Один из них — представитель южноазиатского, малайского антропологического типа; другой — ближе к американскому, лицо его высокое и узкое, с орлиным носом. Это — жители разных деревень. Отвечая на мои вопросы, они советовались между собой, чтобы в случае расхождений выявить типичное в явлениях и оговорить частные локальные различия. Их деревни расположены на узкой приморской полосе восточного берега острова вблизи админи-

¹ Сообщение об этнографической работе в КНДР было зачитано проф. То Ю Хо на этнографическом совещании в Ленинграде в мае 1956 г.

² См. журнал «Ethnos», 1955, № 4.

стративного центра — с. Синьган уезда Тайдун. По их данным, большинство амэй расселено именно в этой низменной прибрежной зоне. Может быть, поэтому оба они начали с отрицания принятого сейчас в литературе этнонима «гаошань» (жители высоких гор), введенного в 1930-х годах японской администрацией. По их словам, ни одна из групп «гаошань» так себя не называет и этого термина не признает.

Деревни амэй расположены на расстоянии 20 и более км одна от другой. Они невелики по числу домохозяйств — всего 30—50 дворов; однако в начале 1940-х годов деревня одного из моих информаторов насчитывала до 2 тыс. жителей, а другого — около 1500. Это свидетельствует о преобладании крупных по численности семей.

Вспоминая о своем детстве, мои информаторы указывали, что одно из преимуществ крупного большесемейного коллектива — это возможность трудового воспитания детей. Дети привлекаются к работе с самых ранних лет. Они собирают хворост, выгоняют на пастбище скот, помогают в уборке урожая и в работах по дому. Резко выраженного деления полевых работ на мужские и женские у амэй прежде не было. Работали все сообща. Основное занятие амэй прибрежной полосы — выращивание риса на заливных полях. Есть и суходольный рис, но на богарных землях преобладает чумиза, арахис, батат. Заливаемый рис дает два урожая в год (примерно 70—80 мешков по 75 кг каждый с 1 цзя или, как принято у амэй, с 1 «кофу» земли в один урожай)³. Первый урожай снимают в июле — августе, второй — в декабре — январе. Заливаемое поле остается под водой круглый год. Поля в основном имеют террасный характер. Форма чеков поля зависит от профиля местности и редко бывает квадратной. Вода подводится из рек, избыток ее сбрасывается в море. Речки здесь быстрые и глубокие. Дождливые периоды редки и коротки. Они мало влияют на развитие рисовых всходов. Но сравнительно часты и губельны тайфуны.

Для подготовки к очередному сельскохозяйственному сезону распахивают поле легким плугом (обычным для южного Китая и Вьетнама). Тягловым животным служит буйвол или бык. Дойных коров не держат, так как молока не пьют; крупный рогатый скот выращивают для тягла и на мясо. Поднятую почву боронуют плоской бороной (в два бруса с шипами), которая, по-видимому, играет роль нивелиратора и рыхлителя. Вторично боронуют почву наклоняемой вертикальной бороной (характерной и для Вьетнама) перед самой высадкой рассады. Рассаду выращивают в верхнем участке поля — мелком отстойнике, откуда в плоских корзинах на коромысле ее разносят на остальные участки поля, где и сажают в виде маленьких связанных пучков. Сажают пучки вручную на расстоянии 20—25 см и, укрепив их илом, развязывают.

Через месяц проводят прополку поля; затем повторяют ее еще 1—2 раза до созревания риса. Окучивания и подкормки риса не применяют.

Уборку ведут маленьким прямоугольным серпом с очень короткой ручкой и зубренным лезвием. Жнут прядями, которые не вяжут в снопы, а, как у чжуан и других народов южного Китая, здесь же, у поля, обколачивают о край долбленого короба или колоды. Подноской сжатых колосьев к месту обмолота заняты обычно дети. Сушку зерна ведут у дома на циновке. Затем его необрушенным складывают в общий амбар, откуда зерно берут по мере надобности и обрушивают пестом в толчее. Обмолот производится близ поля даже в том случае, если участок земли, обрабатываемый данной семьей, далеко от дома и возвращаться домой ежедневно в период полевых работ трудно. В этих случаях зерно, до переноса его в амбар, складывают в углу временного жилья, которое строят близ поля и где ночуют все участвующие в полевых работах.

Кроме того, у поля строят небольшой шалаш для стариков и старух, караулящих урожай. От этого шалаша тянется к полю на высоких сошках трос с погремущками в виде грозди консервных банок и тому подобных предметов, стук которых, при дергании троса отпугивает птиц-рисовок и диких свиней.

Тягловый скот пасется рядом с полем или на общих пастбищах. Пастбища эти, как и лес и вода, считаются «ничьими». Ими могут свободно пользоваться и соседние деревни, и «чужаки» (проезжие и т. п.). Только камфорные деревья на особом учете у уездной администрации, и использование их запрещено (но священными они у амэй не считаются⁴). Домашнего не тяглого скота разводят мало. Есть свиноводство и птицеводство (главным образом — разведение кур).

Уход за птицей и скотом, в частности тягловым, — женское дело. Если в полевых работах участвуют все применительно к силам каждого (впрочем, обмолот производят большей частью женщины), то в других работах половое разделение труда заметно. Женщины носят воду, готовят пищу, шьют и расшивают одежду, убирают в доме и во дворе, ухаживают за скотом. Гончарство — также женское занятие. Мужчины занимаются рыбной ловлей и охотой. Впрочем, охота — занятие случайное и в хозяйстве роли не играет. Рыболовством, речным и прибрежным морским, занимаются систематически. Рыбу (все виды южно-тихоокеанского комплекса) ловят сетями, на крюки, на лесу, на переметы и донки и т. п. За отсутствием лодок рыбу часто ловят с узких

³ «Кофу» (от японского «коку» — мера сыпучих тел = около 180 кг) — площадь поля, на которой высевается 1 коку риса.

⁴ В существующей литературе о «гаошань», даже в самых кратких заметках, если автор касается вопроса о верованиях, то обязательно упомянет о якобы священных для всех «гаошань» камфорных деревьях.

легких плотов, которые, как и большую часть снасти, делают сами. Мужчины занимаются также плетением циновок, корзин и изготовлением поделок из бамбука. Прежде знали и кузнечное дело. Из покупного железа изготовляли орудия труда и даже ружья, но теперь их покупают. Мужчины занимаются и художественной резьбой, которой украшают орудия труда, утварь, дома.

В литературе об амэй имеется упоминание о большой роли в их экономике собирательства. Однако это, по-видимому, неверно. Мои информаторы единодушно отметили, что если оно и имеет место, то не более чем в форме использования съедобных дикорастущих (особенно луковых). Основная роль в хозяйстве амэй, как уже отмечалось выше, принадлежит поливному земледелию. Основная ценность — пахотная земля. Неравномерное ее распределение в деревне определяет наличие бедных и богатых. Малоземельные крестьяне вынуждены арендовать землю своих более богатых земель соседей исполу. Но бывает, что арендуют и скот, если земли много, а скота мало. Обычно тяглогового скота 3—4 головы в семье, но бывает до 20. Скот арендуют за выпас и помощь по хозяйству.

Избыток продуктов реализовался прежде каждой семьей лично, но в последнее время (с начала 1940-х годов) в деревню стали наезжать скупщики. Помещиков среди амэй не было, не было и ростовщиков. С развитием роли денежных отношений амэй стали прибегать к денежным займам, но ссуду более богатые давали без взимания процента (китайские и японские ростовщики брали проценты бесконтрольно). Денежное богатство не приносило почета в обществе амэй. По крайней мере еще в середине 1940-х годов члены богатых семей, даже владеющих большими участками земли и большим количеством скота, чем их односельчане, не выделялись ни по одежде, ни по обстановке и конструкции их жилого дома.

Жилой дом амэй — прямоугольный в плане, каркасный. Опорные балки пола и крыши врезаются в вертикальные столбы каркаса. Крыша обычно двускатная; дополнительные полускаты по коротким фасадам дома устраивают редко. Пол дома обычно отстоит на полметра от земли. Основной материал, из которого делают и каркас, и циновки для стен, и покрытие пола, — бамбук. Окна дома часто делают в виде подъемной фрамуги, но есть дома и без окон. Двери обычно навесные, но нередко их заменяет циновка.

По внешнему облику, технике и строительным материалам подобны дому и служебные постройки: упоминавшееся выше временное жилье, амбар и др. Амбар прямоуголен в плане; двускатную крышу его застилают травой по бамбуковой раме. Каркас амбара затянут циновками; ими же устлан пол, который делают многослойным: его нижнюю бамбуковую раму, отстоящую от земли на 30—50 см, поверх слоя земли устилают травой и соломой; затем идет вторая бамбуковая рама, и поверх нее кладут циновки. Окон в амбаре не делают. Его дверца на специальных рейках с пазами отодвигается вбок («по японскому образцу»). Обычно амбар закрыт на деревянный китайский висячий замок.

Жилой дом двух-, трехкамерный. Внутренние перегородки, как и наружные стены, делают из бамбука. Иногда перегородки не доходят до верха (так, перегородки в домах обоих моих информаторов достигают лишь высоты стоящего человека); иногда же деление дома на камеры условно (оно «существует» лишь в представлении самих обитателей дома). Средняя часть помещения, против входной двери, отводится под молельню и место приема гостей. По правой стороне дома обычно идет общая лежанка семьи, возвышающаяся на 30—40 см над полом. Прежде общие лежанки устраивали по обе стороны гостевого (условного) помещения и не отгораживали от него стенами. С 1930-х годов (а может быть и несколько раньше) помещение слева от входа стали делить перегородками на спальни для супружеских пар, входящих в большую семью (теперь строят иногда и отдельные дома для молодых). Дверной проем из комнат малых семей в общую гостевую завешивают циновкой. Обстановка этих комнат состоит из низких бамбуковых кроватей с ротановым переплетом и сундуков для одежды. В этих комнатах подвешивают также полочки для личной посуды и корзины.

В гостевой части дома основное убранство составляют маленькие скамеечки и полки. Одна из них отводится под «обиталище духа» (пакава шань). На остальных полках стоит посуда и утварь. Прием пищи всей семьей или вместе с гостями происходит в этой части дома.

Очаг, где пищу готовят, расположен вне дома или в особом помещении (в последнем случае он по конструкции представляет собой такую же забитую глинистой грязью опоку, как у ва, цзинпо и некоторых других народов юга Китая). Приготовленную в котле кашу перекладывают в большую корзину и несут в гостевую. Едят, как у многих других народов Юго-Восточной Азии, руками. Приправу к каше — съедобные дикорастущие травы, рыбу и т. д. — кладут в маленькие чашечки, на каждом двух членов семьи одну. При еде чашечки и корзину ставят на пол, а после еды убирают на полку. Запивают пищу чаще всего ключевой водой из покупных железных ковшей. Обычно пользуются одним общим ковшом. Чай не пьют. Сахар тоже употребляют покупной и потому очень мало. Жиров и масел не употребляют. Мясо — коровье, свиное и птицу — немного солят впрок.

Обычно едят три раза в день. Первый раз пищу готовит, «когда петух поет на заре», та женщина, «которая прежде других встанет». Она же берет продукты из амбара. Утром едят густую соленую рисовую кашу с приправой из дикорастущих трав. Почти то же приносят и в полдень работающим в поле. Иногда в полдень до-

бавляют мясо, но обычно оно бывает только к праздничной еде. В обед отдыхают 20—30 мин, и даже час Третий (но не обязательный) прием пищи — после возвращения с поля, уже затемно. В ужин едят рис, вареные овощи, иногда соленую рыбу. Приправу часто сильно сдабривают стручковым или тертым перцем. Как правило, пища плотная; жидкую дают только больным.

Существует ряд пищевых запретов, главным образом на мясо. Не едят мяса змей, кошек, собак, ворона, орла, морского угря. Бывают и личные пищевые запреты. Причины этих запретов объясняют только в отношении морского угря и орла. Угря не должны есть молодые женщины. Считают, что если, поев угря, молодая женщина пойдет к амбару, то все запасы пищи исчезнут. Старухи же в амбар не ходят, и есть угря им не запрещено. Этот запрет связан с сексуальной символикой. Запрет в отношении орла связан с такой легендой. Жила некогда одна бедная семья. Было в ней два мальчика. Был голод, и кормить их было нечем. Отец отправился на охоту. А дети в это время ушли. Из пеленок сделали они себе крылья и улетели. Отец убил дикую свинью, и только разделал тушу, как налетели два орла и забрали ее. Улетая, они человеческим голосом заявили ему: «Ты нас не кормил, вот мы и взяли пищу сами». Он удивился, но, придя домой и не найдя сыночек, понял, что это были его дети. И теперь амэй не едят орлов, потому что это их братья-люди.

Национальная одежда амэй во многом сохраняет черты юго-восточноазиатского комплекса.

Основная мужская одежда — это «каяп» — полотнище, обернутое вокруг бедер. Чаще всего это полотнище одноцветное, но бывает расшито цветными шелками. Иногда это круговой передник с нашивной полосой-завязкой. Пожилые мужчины носят недлинные распашные полухалаты, молодые предпочитают сейчас широкие штаны и куртку с короткими рукавами. Одежда стариков в разных деревнях различна. В годы второй мировой войны к амэй проникли детали военного костюма. Женская одежда включает два круговых передника: нижний — «цзуму тань» и верхний — «тарип». Первый завязывается на левом бедре, второй — на правом. Кушак и верх тарипа украшают во всю его ширину накладными цветными полосками (красная, белая, желтая, зеленая). Женский распашной полухалат — «кибин» имеет обычно цветную оторочку или вышитый ворот. У старух кибин длинный. Прежде женщины носили чалмообразный черный головной навай (та(т)ласай). Одежда девочек старше четырех лет такая же, как и у женщин, а до этого возраста они носят только курточку. Мальчики дошкольного возраста носят короткие штаны и куртку. Как правило, все ходят босиком. Головные уборы у мужчин редки. Ткань на одежду и нитки для вышивания в последнее время покупают, но шьют одежду обычно женщины сами. Иногда в деревнях амэй есть портные-китайцы; городские портные-китайцы тоже шьют для продажи амэй их национальную одежду. К одежде относятся бережно. Вся не надеваемая в данный момент одежда хранится в сундуках.

Наибольший интерес представляют, пожалуй, социальные и семейно-брачные отношения у амэй. Если применять к амэй терминологию, установившуюся в литературе о «гаошань», то «племя» амэй делится на несколько «родов», члены которых расселены, как правило, в одной деревне. Жители деревни четко осознают себя коллективом (в прошлом родственным). Деревня управляется старостой (он называется по-китайски «тоуму» или по-японски «какитаань»). Прежде власть старосты была наследственной. В годы японского владычества стало практиковаться назначение старостой грамотного, говорившего по-японски и «угодного властям» человека. При старосте имелся штат из 7—10 помощников (тарокус) и совет деревни, состоящий из представителей семей. Но роль этого совета была незначительна. Бывали, однако, случаи, когда совет принимал решение, идущее вразрез с волей старосты, а также случаи неподчинения всех жителей деревни решению совета и приказам старосты. Староста имел право судить своих односельчан. Преступления карались чаще всего штрафом в пользу старосты и его помощников: признанный виновным покупал для них вино и угощение.

Как уже упоминалось, богатство (особенно денежное) не определяло социального веса у амэй. Основной ценностью у них считались не денежные накопления, а земля и иногда скот. Но обладание большим, чем у других односельчан, количеством земли или скота не приносило авторитета и не давало права на преимущественное занятие выборных должностей или почетное место во время собраний и празднеств. Почетом и поныне пользуются старые люди, староста. Особый почет воздавался прежде профессиональным шаманкам — «мисарай» (шаманством занимаются по преимуществу женщины).

Охрану деревни несет дружина из неженатых мужчин (юношей). Они с момента окончания школы вплоть до женитьбы ночуют все вместе в особом доме — «сыфий» (Дом собраний). Это — большое помещение с большим двором. Вечером туда женщины не допускаются. Но днем, а особенно во время собраний, они приходят. Собирается там вся молодежь и во время празднеств (по-видимому, в это время там возможно свободное половое общение).

В деревне амэй существует до 10 «поколений» мужчин. Эти «поколения» — возрастные классы — объединяют соучеников по школе и ровесников по возрасту. Первый класс включает мальчиков с момента их рождения до 15—16 лет, а далее каждое поколение — «ка(п)пут» — старше другого на 3—5 лет. Переход из одного поколения

в другое происходит в одно время для всех и оформляется празднеством. Время перехода (от предыдущего не ранее чем через 3 года) определяется самым старым в селении мужчиной. Бывает, что оплошность или неблагоприятное поведение одного человека срывает перевод в следующий ка(п)пут не только членов его ка(п)лута, но и всех остальных. В зависимости от населенности деревни в одном ка(п)путе может быть до 40 членов.

Семья у амэй строилась на принципе близкого родства по материнской линии. По примерному подсчету моих информаторов, более 80% домохозяйств представляло собой в 1940-х годах экономически единую ячейку — большую матриархальную семью. Распад этих матриархальных семей (особенно интенсивный с конца 1930-х — начала 1940-х годов), по мнению информаторов, вызывался, как правило, ссорами между женщинами в семье, «стремлением их к главенству», точнее — к экономической независимости. Семья одного из информаторов разделилась рано, в середине 1930-х годов, и он вошел в семью своей жены, став здесь шестнадцатым. Семья эта состояла из матери (глава семьи) и отца жены, сестры ее (с мужем, сыном, его женой и дочерью), брата матери жены (с женой и тремя дочерьми, одна из которых приняла к себе мужа и имела трех детей). Всеми внутренними делами руководила мать жены моего информатора; всеми внешними связями семьи — ее брат (старший в семье по возрасту). В своих распоряжениях по хозяйству эта женщина руководствовалась решениями, принятыми на общесемейных совещаниях. К участию в этих совещаниях привлекаются все взрослые и дети с 12 лет, т. е. после окончания ими начальной школы. Взрослыми (т. е. достигшими брачного возраста) у амэй считаются женщины с 15—16 лет и мужчины с 17—18 лет.

Женятся обычно в своей деревне. Ограничения существуют только для родственников по женской линии. Браки между детьми сестры и брата уже не запрещены.

Молодежь знакомится обычно во время полевых работ. Иногда юношу и девушку знакомят друзья.

Если девушке понравился юноша, она приходит в его семью и раз в неделю помогает женщинам в работе по дому. На новый год она приходит в течение целой недели. Так может длиться год, два. Это знакомит с ней семью ее избранника. Обычно такие посещения имеют место, если и юноша согласен на брак.

При оформлении брака мнение семьи играет большую роль. Если девушка не понравилась семье ее избранника, то ей прямо об этом говорят. Приход девушки завершается обращением молодежи к родителям. Те встречаются и обсуждают возможность брака. Несмотря на свободный личный выбор, обязательно согласие обеих пар родителей при оформлении брака. Семья юноши готовит все необходимое для жизни новой пары: одежду, сундук, одеяло, подушки (если они в ходу в этой деревне). Но что и сколько чего — не регламентировано. Семья невесты готовит пиршество на два дня. Брак предпочтительно матрилокальный. Но сейчас это не обязательно. Бывает, что жена идет в дом к мужу (особенно, если он — единственный сын у родителей). Пир устраивается там, где молодые намерены жить.

Сезон свадеб не определен, но в период полевых работ их стараются не устраивать. О времени свадьбы извещают друзей сами жених и невеста; родственникам говорят члены их семей. Свадьба начинается не в определенный час, но с утра жених прячется. Его ловят, проводят в дом, и свадебный пир начинается. Сначала семья невесты присылает в дом жениха часть мяса и другой пищи. Закусив там, процессия друзей и родственников жениха идет в дом невесты; в задних рядах процессии ведут жениха. Родственники невесты уже ждут. Во дворе дома начинается основной пир. Присутствовать могут все. Нет обязательства делать подарки молодым, но принято все же дарить деньги. Иногда эта сумма доходит до пяти юаней, а это много, так как дневной заработок мужчин-отходников составляет максимум 1 юань. Чаще всего жениху дарят его «друзья по поколению», которые играют значительную роль во время свадьбы.

Гости приходят на свадьбу со своими скамеечками (или даже кроватями). Жених черпает вино из «капо» — деревянной бочки и подносит гостю. Раньше вино делали сами из чумизы, но японцы заставили покупать «сакэ», и сейчас это вошло в привычку. Основная еда на брачном пире — рисовая каша, свинина или говядина. В перерывах между едой пляшут, напевая ритмический мотив. Многие курят табак-самосад из трубок с бамбуковым чубуком и деревянными чашечкой и мундштуком. Многие жуют «пшелан» (особый плод, близкий к употребляемому при жевании бетеля ореху). В перерывах отодвигают скамейки и, взявшись за руки, исполняют общий танец. Напевают веселые мотивы без слов. Так длится до полуночи. На второй день вся семья ловит рыбу; пьют вино и едят рыбу с приправами. Пируют с утра до тех пор, пока есть еда и питье. Так же проводятся и другие праздники: день урожая, Новый год (жир(р)лома-ай) и др.

Молодые сразу же после свадьбы начинают принимать участие в работах той семьи, где они поселились. Жизнь их идет буднично до рождения ребенка. Считается хорошим предзнаменованием, если первенец — девочка. Роды протекают на свежем воздухе, под нависающей частью крыши дома, но в последнее время нередко рожают в доме. Рожают, обычно, сидя. Профессиональных повитух нет, недоступна сельскому населению и помощь врача. Помогает роженице ее мать. Ребенка сразу же после рождения обмывают холодной водой (следует отметить, что хотя населению деревни амэй недоступно мыло из-за его дороговизны, но каждый совершает в день 2—3 омо-

вения холодной водой из реки, водопровода или общественного колодца). Имя дают ребенку в тот же день. Имя может предложить каждый, но чаще всего дается имя одного из родственников. Если первый ребенок мальчик, ему дают имя отца мужа, а если девочка — имя матери мужа. Последующим детям дают имена родителей жены. Поэтому в селе много одинаковых имен. Имена обычно конкретные: «рис», «чумиза», «вечер», «полдень» и т. д. Общего праздника по случаю рождения ребенка обычно не устраивают. На другой день после родов муж роженицы идет к морю, ловит рыбу и приносит улов жене. После того как она поест, ест и вся семья. Иногда режут в этот день курицу.

Семьи амэй обычно крепки, но разводы все же встречаются. Они сравнительно не сложны. Возможен и вторичный брак, но он оформляется без обрядности или не так пышно, как первый. В случае смерти жены возможен, но не обязателен, сорорат. Так же не обязателен, но возможен, левират после смерти мужа.

В случае заболеваний, как и прежде, «лечатся» молениями, обращенными к духу предков «гуй». Моления могут проводить и старшие в семье и особые шаманы (мисарай). Шаманы гадают по снам, пророчествуют, лечат наговором: сидя у постели больного, опрыскивают его и произносят «наговор», непонятный по смыслу. Гадают и по приметам. Считается, например, что разбитая посуда — к смерти в доме. В борьбе с напастями, губительными для всей деревни (эпидемиями и пр.), используют «устрашение злого духа». Для этого поперек дороги, ведущей в деревню, ставят «ахтлава-ни» — арку из бамбука — и к верхней перекладине подвешивают «страшные резные фигурки»; впрочем, как говорили оба информатора, «сейчас эти фигурки страшны только для детей».

Покойник лежит в доме до трех дней (иногда, впрочем, в других деревнях хоронят сразу или же на другой день) на полу, головой к двери. Обряжают покойника по возможности во все новые одежды (предпочтительно национальные, даже в случае смерти молодых). В богатых семьях в руку покойнику кладут деньги на оплату расходов в ином мире, но четкого представления об этом «ином мире» нет. Считают, что чаще всего душа бродит поблизости от ее родных мест. После смерти кого-либо перед «местом бога» (пагань) в алтаре ставят в течение трех дней пищу: рис, мясо и т. д. Покойника оплакивают старики. Кладбище имеется за деревней. Могила роют глубиной в рост человека. Тело покойного погребают в деревянном ящике, а иногда в циновке (более древний обычай), головой на юг. Над могилой насыпают холмик и, со времени японской оккупации, ставят столбик с именем. Когда труп сгниет, холмик оседает и сравнивается с землей. Возвратясь с похорон, совершают обрядовое омовение рук. Родители покойного не выходят на работу три дня, и вся деревня его не работает один день, кроме дня похорон. Поминок не устраивают.

* * *

В плане лексических сопоставлений и выявления характера терминологии амэй представляют большой интерес термины обращений и родственных обозначений: дедушка по линии матери и отца (одинаково) — «факи»; бабушка (тоже одинаково) — «мамлу» или «фаи» (в разных местах по-разному). Муж — «ай най», жена — «фафай»; эти термины применяются только как описательные («это моя жена»); при обращении же они, обычно, называют друг друга по имени. Муж называет сестер жены также по имени, но есть термин «али»; они его тоже называют «али». Тесть и теща называют зятя «кат (л) афу»; свекор и свекровь называют жену сына тем же термином. Жена называет братьев мужа по имени, но муж называет братьев жены описательно «гага ну фафай агоугуни» (старший брат моей жены) и «сафа ну фафай агоугуни» (младший брат моей жены). Племянников зовут по имени или описательно (например, «сын брата моей жены»). Своих детей называют по имени или просто — ребенок, сын, дочь. Старшего брата матери жены и его жецу называют «ппа» и «мамма»; старшую сестру матери жены и ее мужа тоже «мамма» и «ппа».

Приведенные примеры говорят о групповом характере многих названий и о значительном количестве описательных терминов.

* * *

Приведенные данные позволяют сделать некоторые предварительные выводы.

1. Наименование «гаошань» — не этноним. Не верен он и в топонимическом отношении. Следует отказаться от него уже сейчас и пока, может быть, применять описательное обозначение — «национальные меньшинства острова Тайвань».

2. Общество амэй представляет большой интерес для изучения живых пережитков матриархата. Однако ошибочно было бы повторять утверждения о социальной, культурной и экономической «примитивности» его.

3. Судя по сообщениям информаторов, в конце 1930-х годов процесс распада больших семей и имущественной дифференциации в деревне амэй становится весьма интенсивным.

4. По ряду черт амэй близки к народам Юго-Восточной Азии. Большой интерес представляло бы изучение их языка. Равным образом весьма интересно было бы широкое этнографическое изучение (и сопоставление с амэй) их соседей — бунун и других.